

бы Голубовский не испытывал неловкости, великодушно сказал: "Меня радует, что моя работа будет в Израиле!".

Должна признаться, что наш подарок не вызвал ожидаемой реакции. Мура и Боря были людьми более "взрослыми", чем мы, с более традиционными вкусами. На стене висела увезенная из Одессы литография А. Каплана — реалистический пейзаж с одной из ленинградских набережных, висело еще несколько вполне традиционных работ, а вот экспрессивный пейзаж Адольфа Лозы дерзко нарушал устоявшийся мир этого дома. Правда, когда через несколько дней за мной приехал сын хозяев дома, чтобы увезти меня к себе в Ариэль, то он тут же выпросил у родителей чрезвычайно понравившийся ему одесский пейзаж. Так "под ручку" с Адольфом Ивановичем — с его картиной — мы и уехали в Самарию. Я потом вернулась в Тель-Авив, а "Лоза" остался в Ариэле... Но это так, к слову.

Тогда же, в присутствии художника, хозяева с некоторым смущением показывали убранство стен своего дома. Но Осик оставался Осиком, и без тени лицемерия или хотя бы холодной учтивости, а совершенно искренне похвалил и литографию Каплана, и гобеленовые вышивки хозяйки дома, и другие детали интерьера. Он излучал такое добродушие и благожелательность, что на смену смущению пришло у моих друзей очарование поздним гостем из Сдерота...

А Осик все подходил и рассматривал пейзаж Лозы, словно встретился и с Одессой, и с Адольфом, с которым они не просто соседствовали мастерскими на Белинского, но с большой симпатией относились друг к другу.

Потом мы с Осиком по старой одесской привычке перебрались на кухню и, перебивая друг друга, расспрашивали о житье-бытье, о детях, о близких, о друзьях в Одессе и в Израиле...

Было уже поздно. Я понимала, как устал Осик после тяжелого лечения, а ему еще нужно было возвращаться в Сдерот. Я пошла его провожать. Все мои попытки проводить его (невозможно было расстаться!) до Тахана мерказит (центральной автобусной станции) были тщетны. Мы прошли полквартиры и остановились на углу улиц Жаботинского и бен Иегуды. Все, нужно расставаться...

Мы обнялись и расцеловались. Навсегда.

Работа нуждается в споре и в согласии

Памяти Шимона Маркиша

Заметки памяти Шимона Маркиша (1931, Баку — 2003, Женева, похоронен в Израиле, в кибуце Эйнат) хочу начать с цитаты: "Совсем не надо, чтобы тот человек, который занимается академической работой, был бы академически оформлен, назван, но он должен быть там, где работают, потому что работать одному нельзя. Работа — это тоже столкновение мыслей, систем решений, работа... не монологична — она драматургична и нуждается в споре и в согласии с временем и товарищами". В справедливости этого утверждения, высказанного Виктором Шкловским (см. в книге "Юрий Тынянов". ЖЗЛ. Москва, 1966), я убедилась на собственном опыте общения с историком литературы Шимоном Маркишем.

На проходившей в 1997 году в библиотеке Общинного дома в Иерусалиме презентации книги "Бабель и другие", куда вошли статьи Шимона Маркиша, собранные Леонидом Финбергом в киевском издании 1996 года, я подошла к автору, с тем чтобы он подписал мне свою книгу. Маркиш держался просто, и я сказала ему, что делаю в Иерусалимском университете докторат о русско-еврейских писателях Одессы 2-й половины XIX — начала XX века и знаю его статьи об Осипе Рабиновиче и о русско-еврейской литературе. И когда диссертация будет готова, хотела бы познакомиться со своей работой, на что получила любезное согласие.

В 2001 году я представила завершённую диссертацию в Сенат Еврейского университета в Иерусалиме. В отделе аспирантуры университета моему научному руководителю Илье Захаровичу Серману предложили составить список фамилий нескольких авторитетных ученых, судей, как научные рецензенты именуется на иврите, которым моя работа будет послана на отзыв. В числе судей был назван Шимон Маркиш. Его статьи в "Новом литературном обозрении", в "Егупце", в "Краткой еврейской энциклопедии" и других изданиях 1990-х гг. возродили научные разработки русско-еврейской литературы, прерванные в Советском Союзе еще в начале 1930-х гг. негласным запретом на еврейскую тематику в науке и литературе.

Прошло около года после сдачи диссертации, когда я получила письмо из отдела аспирантуры Еврейского университета о присвоении мне степени доктора философии — третьей степени на гуманитарных факуль-

тетах в израильских, западноевропейских и американских университетах. Тогда же меня ознакомили с отзывами на мою научную работу. В своем отзыве Шимон Маркиш отметил полноту картины, указав, что в диссертации использованы все возможные источники, которые могут содержать тексты русско-еврейских писателей. Похвалы удостоилась атрибуция текстов — установленное в моем исследовании авторство ряда не выявленных ранее анонимных публикаций Льва Пинскера и Авраама-Ури Ковнера в одесских и петербургских газетах 1860-1880-х гг. При этом рецензент высказал несогласие с отдельными теоретическими выводами работы, представляющими одну из позиций современной еврейской историографии. Несогласие Маркиша было косвенно отклонено в другом отзыве на мою диссертацию, но обе его оценки — позитивная особенно и негативная в определенной степени — вызвали желание продолжить эту работу, чем я и занимаюсь сегодня.

В замечаниях, свидетельствующих о внимательном прочтении диссертации, Шимон Маркиш напомнил, что его статья об Осипе Рабиновиче впервые была напечатана во французском научном издании 1980 года. Живя в те годы в Одессе и работая в литературном музее, я даже не слышала об этом одесском литераторе 1840-60-х годов. Осип Рабинович — первый в России еврей, утвердивший за собой статус русского писателя, приобщивший отечественную литературу к миру русского еврейства и признанный посмертно "пионером русско-еврейской литературы" — в советские десятилетия был стерт режимом из читательской памяти, как и многие другие дореволюционные авторы.

Интерес Шимона Маркиша к писателям, жившим в Одессе, не случаен, т. к. детали биографии историка литературы часто способствуют актуализации исследуемого материала. Его отец Перец Маркиш, выросший в местечке Волинской губернии, в Одессе начала 1910-х годов сдавал экзамены за гимназический курс и тогда же начал писать стихи на русском языке. В 1930-е годы известный еврейский поэт Перец Маркиш, работавший на языке идиш, поддерживал приятельские отношения с жившими в Москве писателями-одесситами, о чем Юрий Олеша упоминает в своей книге жизни, полностью опубликованной лишь в конце XX века, к столетию автора.

Перец Маркиш, расстрелянный вместе с другими видными деятелями еврейской культуры 12 августа 1952 года, в разгар сталинской антисемитской кампании 1948-53 гг., был, как писал о нем Борис Пастернак, "слишком необыкновенным явлением самой жизни, ее улыбкой, ее лу-

чом, который прикосновением красоты, радующим знаком ложился всюду, куда он являлся".

Через три года после гибели Перец Маркиш был реабилитирован "за отсутствием состава преступления". Реабилитации требовали не только люди, погибшие и брошенные в Гулаг, но и еврейское культурное наследие, в послесталинские советские десятилетия преданное полному забвению. В статье о Василии Гроссмане Ш. Маркиш заметил: "Подлинная биография писателя в том, что он написал и напечатал". Универсальность этой формулы позволяет отнести ее и к Шимону Маркишу. Он заново знакомил русского читателя с различными гранями еврейской культуры — от Торы до русско-еврейской литературы.

В предисловии изданной в Москве 1994 года "Книги псалмов" в переводе Наума Гребнева, озаглавленном "Господь — сила моя и песнь...", Шимон Маркиш возвращает еврейской культурной традиции Давидовы хвалы Всевышнему. Канонический корпус текстов (*иврит — теиллим*) характеризуется Маркишем как составная часть еврейского Священного Писания с тем, чтобы приблизить читателей московской псалтири к библейской "Книге хвалений".

Помянем здесь Сергея Аверинцева, апологета еврейской культуры, чье послесловие "Арфа Давида и русские ямбы" включает московскую псалтирь, открывающуюся статьей Маркиша. Аверинцев, отдав должное рифмованным переводам Наума Гребнева, подчеркивает изначальную поэтическую природу верлибров царя Давида: "Я думаю, что новые поколения захотят пережить резкую сжатость и первозданную древность способа выражения, присущего поэтике псалмов в оригинале". К счастью, пожелание Сергея Аверинцева сегодня осуществимо. В городе царя Давида Иерусалиме, в Национальной библиотеке Израиля хранится еще одна псалтирь 1994 года — изданная в Одессе "Книга хвалений" в переложении Бориса Херсонского, воссоздающего в русском тексте поэтические особенности древнееврейского оригинала. Составители одесской псалтири включили в книгу и краткую антологию "Псалтирь в русской поэзии", чтобы дать читателю представление о том, какое влияние оказали на российскую словесность "молитвы Давида, сына Иессея".

Интересы Шимона Маркиша как филолога-классика, переводчика античных авторов представлены в его книгах, написанных в разные годы: "Эразм и еврейство", изданной на французском языке (Лозанна, 1979) и переведенной на английский (Чикаго, 1986); "Сумерки в полдень: очерк истории греческой культуры в эпоху Пелопоннесской войны" (1999, 2-е издание).

Глубокое проникновение в мир писателя отличает статьи Шимона Маркиша об Исааке Бабеле и Василии Гроссмане, собранные в книге "Бабель и другие". В "Конармии" Маркиш увидел одиночество и отчаяние интеллигента в революции, умноженное на одиночество еврея, расколото-го пополам в своем отношении к традиционному еврейству, одновременно отталкивающему и притягательному для Бабеля. Уверена, что сотрудники Одесского литературного музея обратятся к родным Шимона Маркиша и предпримут собственные разыскания, чтобы сохранить в фондах и представить в экспозиции музея его книги, рукописи, газетно-журнальные и энциклопедические статьи и другие ценные экспонаты, рассказывающие о творчестве историка литературы, посвятившего страницы своих сочинений реабилитации русско-еврейской литературной Одессы.

Иерусалим

ПУБЛИКАЦИИ

Баронесса Ольга ШВАХГЕЙМ-ДОКС
"Я хотела бы разделить с тобой
мою прекрасную молодость..."252
Публикация Нелли ЗОЛОТАРЕВОЙ
